

ПАОЛА ВОЛКОВА

ЛЕКЦИИ
ПО ИСКУССТВУ

книга 5

Паола Волкова

Лекции по искусству. Книга 5

«Издательские решения»

Волкова П. Д.

Лекции по искусству. Книга 5 / П. Д. Волкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935663-5

Вы держите в руках одну из пяти книг, в которую вошли уникальные лекции профессора искусствоведения и историка искусства — Волковой Паолы Дмитриевны, которая была не просто блестящим педагогом, но и великолепным рассказчиком. Через свои книги, лекции, да и просто беседы, она прививала своим студентам и слушателям чувство красоты. Паолу Дмитриевну сравнивали с Александрийской библиотекой, а ее лекции становились откровением не только для простых обывателей, но и для профессионалов.

ISBN 978-5-44-935663-5

© Волкова П. Д.
© Издательские решения

Содержание

Лекции по искусству в BBDO	6
Лекция 1	6
Лекция 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лекции по искусству

Книга 5

Паола Дмитриевна Волкова

© Паола Дмитриевна Волкова, 2018

ISBN 978-5-4493-5663-5 (т. 5)

ISBN 978-5-4493-5664-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лекции по искусству в BBDO

Лекция 1

Эдуард Мане, как художник нового времени и нового слова в искусстве был тем самым человеком с колумбовой кровью, который в поисках живой воды нырнул в ту кулису, в ту точку, когда европейская живопись родилась в Венеции. Родиной европейской живописи является Венеция, потому что венецианские художники первыми освоили технику масляной живописи. Такой язык станковизма. И именно Мане нырнул к этим истокам. Впервые, станковая живопись предстает венецианской живописью 16-го века.

Эдуард Мане

Помните я рассказывала вам о Тициане и о том, как он работал с грунтовкой? Тициан был современным европейским живописцем. У него есть одна картина, на которой сидит женщина и на руках перед собой держит толстого ребеночка. Когда я училась, у нас был такой урок по описанию картин. И была старая женщина Розентель, которая преподавала этот предмет. Она показывала нам детали и спрашивала: «Как вы считаете, кто мог это написать?». Так вот, если бы эта картина не висела в зале Тициана и мне бы ее показали, я сказала бы, что кто-то из импрессионистов.

Мане писал маленькими мазочками, просто мельчайшими. На своих картинах он создает такую смытую атмосферу, словно вылепленную из нежнейшего облака. Он прошел весь путь станковизма от начала его формирования и вобрал в себя огромный футурологический пласт. Сколько в нем всего, сколько содержится миров. И как любой большой художник он очень цитатен.

На картине «Сельский концерт» Джорджоне мы видим обнаженные женские фигуры и одетые мужские. Это такой пикник. Группа сидит на холме и у них в руках музыкальные инструменты. Посмотрите, как написаны женщины – словно плоды. Надо сказать, что флорентийские художники писали женщин длинными, худыми, истеричными и напряженными, хотя флорентийки всегда были такими толстушками. И на данной картине женщины похожи на таких позднеантичных Венер.

Сельский концерт

Венецианцы обожали женскую красоту, но рисовали ее с отсутствием какой-то женской активности в жизни. То есть, для любования. Я бы назвала эту картину пасторалью, причем не просто пасторалью, а пасторалью идеальной. В ней есть гармония всего со всем. Гармония мира с человеком, растворенным в этой природе. Посмотрите на эти линии рук, прозрачный кувшин. И картина называется «Сельский концерт» не из-за того, что они исполняют музыку, а потому что в ней есть то, что есть в концерте: созвучие всех инструментов и предметов. Картина имеет свой голос и все вместе создает мощное созвучие и единство. И это идеальная точка, потому что она иллюзорна. Венецианцы были просто помешаны на музыке – у них было полно домашних инструментов. Не забывайте, что именно они создали мировую оперу и являлись создателями современного симфонизма.

Карл V

Это не Тициан, которого просто било и колотило жизненными токами. Это можно увидеть на портрете Карла V в Мадриде. А здесь совершенно удивительный новый жанр: природа, летняя истома, деревья, тишина, ничего нет в лесу, только пикник, квартет, два одетых мужчины и две обнаженные женщины. И эта картина, как и «Олимпия» производят взрывное

состояние. Человек начинает писать и начинается дискуссия. И вокруг картин, и вокруг личности. Все отлично понимают до какой степени это все отличается от того к чему привык зритель.

«Завтрак на траве»

Возьмем «Завтрак на траве». С одной стороны эта вещь очень необыкновенно и интересно сделана с точки зрения композиции, во-вторых, она очень классична, а в-третьих, она впервые показала ту жизнь, которой люди живут и все узнаваемы. Она вся портретна. Каждый из четырех человек очень хорошо известны: Виктория Меран, художник Сислей, один театральный критик и дамочка. Все всё знают. В картину вошла жизнь про которую не то, что никто не знал, а не понимали, что ее так можно изображать в искусстве. Он впервые начал описывать жизнь новым языком. Эдуард Мане – это та удивительная фигура, которая связана не только с традициями классической культуры, но он художник, открывающий двери для понимания другой задачи искусства. Он является художником-импрессионистом и в этом стиле написал очень много картин. Мане является классическим художником классической традиции, последним художником 19-го века, который писал картины с содержанием, описывающим жизнь. Он очень сейчас популярен. Одна из его известных и необыкновенно интересных картин имеет какую-то драматургическую композицию, которая выражает драматургическое сюжетное содержание. Он показывает совершенно современного ему человека того времени. Да еще какого! А самая такая волнующая жизнь происходит в мире не аристократическом и не пролетарском, а там, откуда приходит герой «Завтрака на траве», откуда приходят все герои Мане. Это такая новая буржуазия – шикарная, уже с привычками, с новым стилем. Так называемая «Вторая империя».

«Завтрак в мастерской»

Посмотрите, как он одет, какие белые брюки, рубашка. Галстук. Такой щеголь для модного журнала «Сноб». Продукт того времени. Обратите внимание на стол. Он стоит перед очень хорошо убраным столом. Какая-то служанка, эпоха расцвета ресторанной жизни во Франции и натюрморт написан так, как его писали малые голландцы. Эта картина написана им в духе не условного академизма, а классической натурности мастеров, но изображающая новую жизнь и героев. И Мане один, кто работает в данной манере. Других художников, в кото-

рых сочетались бы полнота картины и классическая традиция – нет. Именно ему принадлежит очень интересное, одно социальное открытие: больше никто так полно не описывал для нас жизнь своей среды.

Прежде, чем мы пойдем дальше я хочу показать знаменитый «Балкон». На нем стоит его старший брат, здесь же женщина, чей портрет есть отдельно. Она очень талантливая художница того времени и родственница Мане, по имени Берта Моризо.

«Балкон»

Если вы попадете в Париж, то посетите изумительный музей импрессионистов «Мармоттан». Он находится в бывшей усадьбе наполеоновских родственников и там находится много работ этой женщины. Она очень много писала и он ее много писал.

«Махи на балконе».

Берта Моризо

Если внимательно присмотреться к этой картине, то она повторяет сюжет Гойи «Махи на балконе». Буквально. Так же сидят дамы и стоит третья фигура.

В картинах Мане отображена свойственная ему буржуазность, изящество жизни, которое очень ценимо им. Он как никто из художников своего времени ценит элегантность, женственность, чувственную эротичность. Эти локоны, шляпы, платья, изумительно написанные кистью мастера. Он великий художник, мимо вкуса которого, мимо глаз которого, мимо эксперимента которого, мимо художественной алчности которого не прошло ничего.

Пикассо очень много копировал две картины. Это «Завтрак на траве» и «Менины» Веласкиса. У него просто бесконечное количество проб этих двух картин.

«Завтрак на траве», Пикассо, 1960

«Завтрак на траве», Пикассо, 1961

«Завтрак на траве», Пикассо, 1962

«Менины», Пикассо, 19576

«Менины», Пикассо, 1957

Была такая выставка «Завтрак на траве», где были показаны варианты. Он не может насытиться ими и показывает все скрытые и никому не виденные возможности этих композиций. Лично мне не пришло бы в голову сравнивать картины, но он сам утверждал, что в них заложены огромные скрытые возможности. С точки зрения Пикассо эти вещи являются мощным узлом для художественного измышления и в своем роде в таком шедевральном совершенстве.

Мане был не прост. К сожалению, он прожил короткую жизнь. Всего 54 года и умер от болезни несимпатичной и совсем не романтической, но он за свою жизнь сделал многое и был узлом, который стягивает в единый путь мировые дороги. Он – точка отсчета новой эры и совершенно другого отношения в искусстве.

Что такое отношение между художниками? Все знают про Ротонду – место, где собирались все. Сделано масса фильмов, написана масса книг и никто не знает, что первым местом, где собирались художники стало кафе Гарбуа в Батиньоле, где Мане стал собирать всех художников. И первая парижская школа, которую он возглавил, называется «Батиньольская школа» (а Батиньольская школа и есть Парижская новая школа). Именно там сидят все наши герои: Клод Моне, Эдуард Мане, Ренуар, Де Га, Сейсли, Писаро. Что они там делают, кроме того, что гуляют с девушками? Они говорят об искусстве. Есть еще один идеальный импрессионист – это Клод Моне. Он является трубадуром Эдуарда Мане, его великим исполнителем, прошедшим его школу. У Мане было еще одно очень странное качество. Он был иллюстратором жизни. Он делал иллюстрации. Его картины – это самые настоящие иллюстрации. Молодой человек в белых брюках – это иллюстрация. Балкон – это иллюстрация. Это Гарбуа. Это жизнь. Он выводит все образы жизни, которые его окружают. Он рассказчик. Импрессионисты, так те – показчики. А он рассказчик и его рассказы стилистически и психологически образно ближе всего к тому мастеру, который может быть его аналогом в литературе. Например, Ги

де Мопассан. Обе эти фигуры, конечно, абсолютно гениальны. В них есть и полнота включенности в тот мир, в котором они живут, и который они хотят чувственно описать. Они не стремятся к гармоничности, они любят эпизод. В романе Ги де Мопассана «Милый друг» видно, что он мастер эпизода. Как Чехов. Это не Бальзак, который плетет кружево из элементов. Скорее всего и Мопассан, и Мане были чувствительными людьми, лишенными кожи. Таким образом они осязали время. В этом смысле одна из уникальных картин Эдуарда Мане является просто прямой литературной иллюстрацией. Это его картина «Нана». С одной стороны – это живопись и вы смотрите на нее, как на живопись и любуетесь ей, как живописью. А с другой стороны – это самая настоящая иллюстрация к роману Эмиля Золя «Нана». Совершеннейшее чудовище, но вместе с тем она была такой прекрасной, злочной фигурой того времени. Хороша по всем параметрам. И на этой картине сидит ее очередная жертва в вечернем костюме, а она в чулочках, обворожительная, на фоне китайского шитья.

«Нана»

На китайском шитье нам стоит задержаться, потому что в конце 18 – 19 веков Европа переживает бум всего японского и китайского. И этот стиль называется «чинезе». Вся Европа

была наводнена всем китайским: ширмы, лакированные изделия из дерева. В Петербурге построили китайский домик. К концу 19-го века увлечение углубилось еще больше, но теперь это не только декоративная посуда или что-то еще, а особенность и специфика живописи. Влияние огромное! Вот такая замечательная вещь.

А вот это портрет замечательной женщины, пианистки Сюзанны Мане, урожденной Леенхофф. Я его очень люблю.

Сюзанна Мане

Сюзанна Мане

Сам Ференц Лист наслаждался ее игрой. Она преподавала и среди ее учеников были братья Эдуарда Мане – Эжен и Гюстав Мане. Эдуард дружил с ней, бывал в ее салоне, стал крестным отцом ее сына от некоего человека. Они писали друг другу все время. Позже поженились.

Я, как-то раз попала на выставку «Мода и импрессионизм». Ну, что говорить. Конечно, удивительная выставка. Мы подходим к интересной теме. Вот хожу я по этой выставке, смотрю и думаю: «Устроители, вы мне хотите сказать, что импрессионизм создал моду? Или наоборот?»

Эта выставка была названа удивительно. Женщины в платьях того времени. Только создал эти наряды не импрессионизм. Импрессионисты писали мир вокруг себя и, разумеется, в туалетах того времени и больше ничего. Никаких точек пересечения между модой, временем и импрессионизмом просто нет. Мода той эпохи была создана королевой Франции и ее окружением. Кто-то даже назвал тот шикарный расцвет таким словом, как капитализм. Это мода, которая требовала траты денег – она была очень дорогой. Безумно дорогой! Мода 18-го века была просто ломовой по ценам. Аховой! Я была на выставке, которая называлась «Мария-Антуанетта» и там была выставлена переписка между мутор Марией-Терезой и ее ненаглядной дочкой. Просто непрерывная переписка. Если дочка не пишет матери каждый день, то у той просто сердечный приступ, потому что она боится, что может не проконтролировать свою дочь и та наделает каких-то глупостей. Пример привожу: «Эти письма ждала. Ты в чем вышла утром? Ты сдурела, дочь моя? В шесть часов должна личико умывать. А что на тебе было за платье? Ты рисунок прислала. А твои фабрики на что? Пусть они и создают для тебя ткани. Ты что мешанка из рыбного квартала? Ты – королева Франции!» А дочурка отвечает: «Слушаюсь маменька, прекрасная идея!» Думаете я преувеличиваю? Нет. Самая интересная пере-

писка, которую я видела. Мамаша, боящаяся упустить французский престол со своей дурой, которая замужем за дураком. И она ими всеми правит. Им всем потом досталось за эти фабрики и началась эпоха расцвета индустрии роскоши. Всяких там мушек, духов, протираций, нижних юбок, причесок. Как пел герой Высоцкого: «тебе шитья пойдет аршин, не так ли, Зин?»

Мария-Антуанетта

Мария-Тереза

Эта мода и импрессионизм есть ни что иное, как «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Никакого отношения друг к другу. Но какие там были выставлены платья! Самое интересное, что эти платья описаны у того же самого Мопассана. Это же было до появления лифчиков. Эпоха корсетов. И они шнуруются сзади и мужчины волнуются, эти юбки колыхнутся. Боже, а какие на них были изумительные драгоценности, ожерелья. То была эпоха становления Парижа, как первой столицы. Эпоха строительства Парижа, каким он есть и сейчас.

Век эпохи банкетов – так можно назвать тот период. До Парижской коммуны. Коммуна-то прижала немного моду, но сломить эту мощь полностью не смогла. То был время журналов и больших денег, вложенных в ювелирную промышленность, туалеты, модное законодательство. Но художники-импрессионисты были лишь жизнеописателями.

Посмотрите на Ренуара. «Балкон» мы видели А это «Ложа». Роскошная ложа, на женщине изумительное платье, совершенно фантастический жемчуг, мятые цветы, прическа, мужчина с биноклем. Это настолько все вкусно. За что я люблю коммунизм, так за то, что он строит совершенное государство. Это утопия. И картина тоже утопия, которая стала позитивной энергией. Импрессионизм уникально позитивное искусство. вся социальная мура отвалилась. Никаких классовых столкновений, есть только море и есть игра облаков. Есть прекрасные женщины, есть их миллиардные туалеты, есть воздух, которым они дышат и есть этот прекрасный мир и добро. Весь импрессионизм абсолютен.

Граф Тулузы, который мог жениться на самой красивой и богатой женщине, предпочитал проститутку. Ему нравилось жить по-другому. У него не было комплексов. Мы психологически неправильно его расцениваем. Это был последний крестоносец. Нам за него стыдно, а ему весело. Нам жаль его, а он взял и женился на своей кузине. Правда сразу умер, но это не имеет значения Он был очень богат и ему было, что оставить жене. А все остальные люди ему были ненужны.

Я люблю импрессионизм за то, что он абсолютно позитивен. Я прихожу в музей и растворяюсь в его позитивности. Я не знаю ни одного другого направления, в котором было бы столько любви к жизни и столько чувственного наслаждения ею. Что такое любовь, что рождается каждый день? Она не имеет возраста. Никогда это больше не повторяется.

Конечно, имена двух художников принято называть в качестве классических примеров импрессионизма. Это Клод Моне и Ренуар. Посмотрите, это красиво или нет? Вы чувствуете, что это интересно по живописи? Я сейчас употреблю одно слово, такое антиискусствоведческое, запрещенное искусством. Это слово «нравится». Слово «нравится» категорически запрещено в искусстве. Нравиться может девушка, закуска к водке. А искусство это вопрос подготовки.

Константин Коровин, художник

Вообще, есть такая вещь, которая четко говорит: импрессионизм создал зрителя живописи. Он сделал великое, грандиозное, цивилизационное дело – он создал настоящего ценителя живописи среди довольно широкого круга зрителей. Как Станиславский с Немировичем создали театрального зрителя. Они сделали театр так, как литература создала профессионального читателя. А нас уже нет. Ни читателей, ни зрителей. Мы иногда, как во сне, вспоминаем, что мы ими может быть. Поэтому импрессионизм для нас великая вещь, так как насыщает нашу жизнь.

Валентин Серов

А что такая импрессионистическая живопись? Немножко отставая от Европы, в России все же появляется настоящий импрессионизм. Художник Валентин Серов. Фигура очень интересная. По манере исполнения похожий больше на Мане. А откуда у Серова это взялось, когда он пишет художника Коровина – главу русского импрессионизма? Как он его руку пишет. Это что, хуже Ренуара? Нет, это не хуже, это настоящая импрессионистическая живопись. А русские и французы всегда любили немцев. Россия всегда обожала только немцев. Почитайте переписку русских художников. Врубель, вообще, опередив кубизм и Сезана, молился только на бездарных немцев.

Работы импрессионистов не только прекрасны. Вы даже не отдаете себе отчет насколько это психологически целебно и оздоравливающе. Но есть еще один момент. Очень важный. Это то, что импрессионизм разрушает. Это только Эдуард Мане может как-то совмещать. Но, вообще, импрессионизм разрушает картину на части и создает этюдность.

Вернемся к Клоду Моне. Посмотрите на его картину «Дама с зонтиком». Картина большая и висит в музее Дартс. Но какой бы большой она не была, картина все равно воспринимается, как этюд. Когда мы говорим «картины», то подразумеваем какой-то момент драматургии, в котором что-то должно случиться, какое-то происшествие. А этюд есть этюд и картины импрессионистов не предполагают изображения никакого другого события, кроме события светового, потому что именно с картин Клода Моне в живописи появляется новый герой. И он занимает собой все пространство. Этим героем становятся солнечный свет.

«Дама с зонтиком»

Импрессионизм – это мир в солнечном свете, даже, если идет дождь или даже вокзал, с которого валит густой пар. Это изображение миросвета. Это не изображение мира исторического или исторических событий, мира психологических драм, миропроисшествия – это не изображение ничего. Это изображение солнечного света и всего того, что случайно попадает в объектив художника. И поэтому, эту очень большую картину, на которой изображена мадам Моне, мы можем назвать этюдом.

И не важно ее ли это зонтик или платье, или нет, а важен только солнечный свет, создающий уникальный эффект. Мадам Моне по земле идет? Мир теряет массу. Благодаря тому, что он попадает пылинкой происходит вот это космическое чудо. Это совершенно удивительно. Он больше никогда не будет терпеть массы, как в живописи импрессионистов. Он становится физически лишенным фактуры и веса. Вот эта картина была выставлена в 74 году в мастерской фотографа Надара на бульваре Капуцинов. И называлась она «Восход солнца». Было еще одно слово «Восход солнца и впечатление». Пожалуй, точнее не назовешь. Это тема впечатления. Художник изобразил впечатление от восхода солнца. Эту мгновенность, не длительность состояния. Остановись, мгновение, ты прекрасно! А как мгновение можно запечатлеть? Этюдным способом. И в этой картине Клода Моне есть очень интересная особенность – очень искажен свет.

«Восход солнца»

С Моне происходят странные вещи. Я, например, не могу подсчитать, сколько он написал картин. Две, тысячу, три тысячи... Что там такое делалось?

С самого начала определяются основные черты его видения. Как вам кажется, вы можете двигать рамку картины в разные стороны? Изменится от этого что-либо? А что может попасть в его объектив? Все что угодно. И так с любой из его картин. А самое главное, их можно переворачивать с ног на голову. И тоже ничего не изменится, только станет еще интереснее. Вот это живопись! Почему? А потому что то, что он пишет настоящая реальность. Живописная. Он с самого начала писал живописную реальность. Свое живописное впечатление. В основном он пишет только пейзажи и с самых первых работ у него это вода, как отражение неба, как отсвет. У Клода есть фантастическая вещь. Поскольку он идеальный импрессионист, то ничего кроме этого ощущения света через мгновенное впитывание нет. Глубокая метафизика. Он очень удивителен и вы, вместе с ним попадаете в удивительное состояние. Посмотрите, это очень интересно. Давайте, увеличим деталь его картины. Посмотрите, как написана вода. У него все так написано. Что произошло? Произошла смена одного искусства на другое. Одного языка на другой. Я бы сказала, что мир больше не описывается событийно. Он описывает его только, как впечатление. Он описывает его через отдельных героев. Нужно уметь это написать. У него от картины к картине меняется не только палитра, но и мазок. С ним происходят удивительные вещи. Он внутри самого себя и как художник, совершенно невероятно эволюционен. Я очень люблю его серию Руанский собор.

Его картины это часть воздуха. Пишет ли он свою жену с зонтиком, где единственной осязаемой вещью становится только зонт. Или пишет он вокзал Сен Лазар, где все проникнуто состоянием эффекта от дыма, идущего со всех сторон и все освещивает через стеклянную крышу вокзала, создавая невероятный эффект. И собор, который он пишет один раз, потом второй, потом пятый, но в разное время суток. Почему? У него абсолютно другое живописное состояние.

«Вокзал Сен Лазар»

«Дама в саду»

А если вы подвергните его работы увеличению, то увидите очень интересную вещь. В его работах 70-х годов, где мир потеряв материальность и вес, обретает какую-то изумительно-мирную и очень умиротворенно-счастливую картину. Зелень сада, скатерть, какая-то женщина в белом платье, все движется, как сон и вместе с тем, картина не имеет границ. Это, все равно, как фрагмент. Пространство, как оно было у Давида или у Рембрандта исчезает. Это мир, в каком-то однородном, живописно-духовном впечатлении. И из-за неопределенности границ вам очень легко оказаться там. Почему, когда братья Люмьер показали «Прибытие поезда» все попадали с мест. Нет границы и кажется, что поезд сейчас въедет в нас. Но не в этом суть. У настоящих импрессионистов, как Моне или Ренуар тоже нет рамок. Я несколько раз ловила себя на том, что очень легко оказываюсь внутри их пространства. И я счастлива. Я, наверное, и люблю их от этого эффекта, всю свою жизнь. Вы всегда там. Моне в своем искусстве был абсолютным гением. Он полностью и заново сотворил мир, сделал импрессионизм, как явление, он вовлек нас в этот мир, сделав его частью. Импрессионисты все крысоловы, но таких как Моне нет. Он очень последователен. И у него от попадания в эту сказку живописи есть интересная вещь, один странный эффект не навязанный никем. Сколько времени вы можете простоять перед картиной? Импрессионисты – это те художники, когда вам хочется стоять перед их картинами. Но перед Клодом Моне просто тяжелеют ноги и вы, как Алиса

в «Стране чудес» оказываетесь внутри этого, потерявшего вес, удивительно теплого мира. Переверните его вверх ногами и что у вас получается? Отражение. Вот это вам фокус!

«Резня на Хиосе»

Однажды, произошел такой случай. Делакруа – властитель дум, а они все были социально заряжены, написал «Резня на Хиосе». Так как они все были передовые, то сочувствовали грекам, сражавшимся против турков. И вот он пишет, как турки истребляют греков. Общество должно отзываться и оно отзывалось. Приходит поэт Бодлер и говорит:

– Гениально! Знаешь, вот тут немного не так. Ты видел работы английского художника Констебля?

Тот говорит:

– Видел.

– Правда, у него зелень красивая?

Тот отвечает:

– Да.

– Пойди еще раз, посмотри и напиши зелень.

Владимир Стасов

И тот пишет, потому что для них Бадлер, что для наших Стасов. Что Стасов говорит, то они и пишут. То есть картина Репина написана совместно со Стасовым. Стасов говорил, а Репин реализовывал. Также смотрели и на Бадлера. И вот он переписал картину. Бадлер посмотрел и говорит:

– А, знаешь, ты ее переверни верх ногами.

– Зачем?

– Понимаешь, когда картина перевернута, то она должна быть точно так же пониматься, как и в нормальном положении.

Но картину перевернуть верх ногами нельзя, а картины Моне можно. И мы здесь видим эту картину. А может она должна быть так написана? Он же совершенственная тень. А по сути, какая разница как на нее смотреть. Чем больше я смотрю на его картины, тем больше мне хочется смотреть на них и дальше.

Думаете у него, когда-нибудь повторяется мазок? Они у него всегда разные. Дело в том, что этот мазок и есть живопись. А что он изображает? Впечатление. Этот человек – гений! Кто такой гениальный человек? Нет определения «кто такой гений», оно может иметь только частное значение. Я считаю, что гений – это человек, который создал мир не бывший до него и не ставший после него. Для меня это просто. Он создал мир, которого до него не было, и который после него будет иметь очень большой шлейф, но таким больше не будет. А после себя Моне оставил колоссальный шлейф.

Он меняет наше отношение к живописи, к этюду, к мазку, к палитре. Он показывает, что есть предмет живописи. Оказывается, предметом живописи может быть обыкновенное облако и цветок. Он изменил наше представление о предмете живописи и о его границе. Через живописный язык он учил нас смотреть на живопись. Он предложил нам смотреть на живопись, как на предмет искусства, а мы привыкли, как на изображение чего-то. Не обязательно живопись должна что-то изображать. В этом и суть, и позитивность Это – Клод Моне.

Лекция 2

Разговоры серьезные, а я в таком усталом виде..., но все равно они неизбежны, необходимы и касаются всего, в том числе и сегодняшнего дня. Я не дочитала в прошлый раз, поэтому дочитывать буду сейчас и снова повторю, то, что уже говорила: импрессионизм есть величайший переворот не только в области живописи, но и в области сознания. Другого представления о мире: о том, что такое живопись, о том, что она делает с нами, о том, как она изменяет нашу точку зрения, как мы начинаем видеть. Мое поколение представляло себе Европу по картинам импрессионистов. Они были для нас больше, чем книги и кино, и давали целое представление о том, как жили люди, их города и страны. Я их называю реалистами, потому что они действительно писали с натуры и первыми изображали реальный мир вокруг себя таким, каким он становился. Они отмечали все то новое, что появилось в городе, что их окружало, и как изменился их образ жизни. И если Клод Моне был идеологом новой точки зрения на то, что есть искусство, что оно есть живопись живой жизни и создавал дивные симфонии образов мира и видел его таким, как он есть, то Дега необыкновенно сложен. Я обожаю этого художника. Он очень сложно чувствует мир и пишет также сложно. Его композиции сложны, динамика движения толпы, общие планы. Видны монтажные стыки и то, как падает свет. При этом Дега, как художник, необыкновенно чувственный. И эти ощущения для него очень важны. Они, можно даже сказать, эротичны. Это его собственное надреальное, рецепторное восприятие.

Это видно по тому, как он пишет «Вечернее кафе» в свете фонарей, отбрасывающих свет на такую холодную красоту и преображающий мир.

«Вечернее кафе»

Огни расположены на заднем плане в один ряд и придают картине глубину. Какие-то люди. Кто-то слушает певицу, кто-то болтает. Все пространство заполнено и наполнено жизнью. Это мир, получивший новое освещение, новый свет, толпа, которая идет гулять, вечер, горят фонари, кто-то несколько вульгарно одет. Кто-то сидит разинув рот, странные движения рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.